

Надо прислушаться к голосу ребенка, которым ты был когда-то и который существует еще где-то внутри тебя. Если мы прислушаемся к ребенку внутри нас, глаза наши вновь обретут блеск. Если мы не потеряем связи с этим ребенком, не порвется и наша связь с жизнью.

Габриэль Гарсиа Маркес

Лиля. Маркес. Зурбаган

текст

ЕЛЕНА
КОЖЕВНИКОВА

Народный театр «Зурбаган» Дворца культуры Бийского олеумного завода (ДК БОЗ) к своему 25-летию подготовил музыкально-пластический спектакль «Сад» по мотивам романа Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества»

Лиля
Кирьякова,
режиссер
народного
театра
«Зурбаган»

Сцена нашествия
чужаков.
Все фото
предоставлены
театром

в воскресную школу, где отец Валерий рассказывает нам на примерах из Библии о тайнах самой жизни и о тайнах жизни души. И вот как-то, под впечатлением от наших бесед, и с благословения отца Валерия мы решили поставить спектакль-притчу «Блудный сын». И когда нас пригласили в Барнаул на Епархиальный театральный фестиваль «Жар-птица», батюшка не только благословил нас, но и свою машину дал, и поездку оплатил.

— **А спектакль того стоил?**

— Да! Мы сыграли его на сцене концертного зала института культуры, что на проспекте Ленина. А было там, на этом фестивале, все духовенство Алтайского края. Сам епископ Барнаульский и Алтайский Сергей вручил нам Гран-при за сотрудничество народного театра «Зурбаган» и воскресной школы Казанского собора Божьей матери города Бийска! Вот так! И еще епископ подарил нам фигурку ангела, которая стояла многие годы у него на столе. А так как мы, работая над спектаклем, буквально погружались в атмосферу и подтексты притчи, я стала смотреть на многие события в жизни сквозь призму библейских образов. Да и само представление о том, что время есть элемент абсолютного духа, утвердилось во мне окончательно. И однажды я увидела, что у Маркеса все это есть. И непрерывное течение жизни. И связующие нити прошлого, настоящего и будущего. И что у всех у нас, помимо личной, есть еще и общая человеческая судьба.

Признаюсь, после спектаклей «Метель» по повести Пушкина, «Заводи» по поэзии Лорки, «Ромео и Джульетта» по пьесе Шекспира, которые я видела раньше в этом театре, столь неожиданный выбор вызвал у меня не только удивление и любопытство, но и потребность в творческой беседе с режиссером и руководителем театра Лилией Кирьяковой, с которой меня связывает многолетняя дружба, — со времени ее учебы в АГИИК.

— **Лилия, не кажется ли вам, что этапы творческого пути вашего театра от Александра Грина до Габриэля Маркеса скорее предначертаны, чем просчитаны? Ведь вы вышли в совершенно другое жизненное пространство под названием «магический реализм».**

— Не знаю. Как сказал Маркес: «Самое лучшее всегда случается неожиданно». Хотелось поставить произведение, где была бы яркая, страстная жизнь,

прописанная мощными энергетическими мазками, как у экспрессионистов. Когда собирается в единое целое и любовь, и смерть, и прошлое, и настоящее. Ведь в этом мире все взаимосвязано и ничто никуда не исчезает.

— **Да, но Маркес — это еще и живое духовное пространство. Как удалось вам это донести до воспитанников, юных актеров? Ведь в спектакле очень сильно ощущается особая аура.**

— Мне и моим ребятам очень помогло общение с Благодичным отцом Валерием из нашей бийской церкви. Мы ходим к нему на занятия

Сцена
«Ребенок
на дороге»

И что все мы друг другу — братья и сестры. Я говорю сейчас очень простые вещи, но открывались они нам совсем не просто.

— **Вы назвали спектакль «Сад» и определили его как музыкально-драматический экзерсис по мотивам романа «Сто лет одиночества». И, как я понимаю, планируете продолжить эту работу дальше?**

— Да, это будет многосерийный спектакль. Ведь невозможно рассказать за короткое сценическое время столь долгую историю. Да и спектакль у нас не вербальный, а пластический. В нем много музыки, движения и почти нет слов. Мне хотелось, чтобы чувственная атмосфера его пробуждала у зрителей индивидуальный, личностный отклик. Поэтому сюжет у меня превалирует над фабулой. То есть события-то развиваются, но, главное — что происходит при этом с людьми. Как актеры могут рассказать о своей внутренней жизни, не прибегая к тексту роли? Оказывается, у нас очень умное тело. Но самое важное, чтобы все происходящее на сцене было осмыслено и прочувствовано самими исполнителями. Только в этом случае и возможен энергообмен со зрительным залом. Поэтому я никогда не форсирую органику исполнителей. Страшно, когда у детей забирают естественность и подменяют ее пустой и громкой оболочкой.

Артисты спектакля «Сад» приветствуют режиссера

— **Что верно, то верно. За этим далеко ходить не надо. А вот что надо в таком случае делать?**

— Позволить детям быть самими собой. Не мешать им. Говоря словами Курта Воннегута, открыть «смотровой глазок души» ребенка. Ведь и для меня тоже самое главное в работе — услышать спектакль.

— **А почему первую часть спектакля вы назвали «Сад»?**

— Я думаю, что нам при рождении даруется Сад для жизни души. И что же потом мы делаем с этим Садам? Позволяем чужим людям входить туда. Бесчинствовать и сжигать его, как мусор. И вот тогда душа умирает.

— **Наверное, это и есть проклятие рода? Мертвые души. Сто лет одиночества.**

— Пока жив хоть один росток, — надежда есть. Потому что род движется благодаря этому ростку, который постепенно набирает силу. И тогда приходит любовь. И рождаются дети. И жизнь продолжается, да?!

— **И блудный сын возвращается к отцу. Только чего все это стоит! Вот мы все время говорим: «дети, дети», а ведь у вас в коллективе и старшеклассники, и студенты, и даже их родители.**

— Так ко мне семьями ходят! Родители участвуют в массовых сценах или играют небольшие эпизоды. Они же организуют поездки

на фестивали, на летний отдых. Мы каждое лето всей нашей театральной семьей уезжаем в Горный Алтай на подзарядку. Да разве смогла бы я одна справиться со всеми проблемами при постановке спектаклей? У меня пять дней в неделю идут занятия с детьми! У всех моих актеров есть еще и дополнительные нагрузки. Одни отвечают за декорации, другие — за костюмы и реквизит. Кстати, сценография и костюмы были придуманы моей старшей дочерью Ассолью Уколовой. И моя младшая дочь Соня тоже при деле: играет со всеми нашими детьми в массовке.

— **Можно сказать, что театр для вас очень важная часть жизни?**

— Нет-нет! Не часть, а вся целиком! Я могу сочинять эту жизнь, проигрывать ее на сцене, и тем самым открывать для себя все время что-то новое. И двигаться дальше со своими учениками и зрителями.

Беседую с Лилией и ловлю себя на мысли, что я все еще там — в обворожительном по красоте и стилистике спектакле, где все так тщательно продумано и так художественно воплощено. Яркие легкие одежды героев, длинные шарфы, разноцветные платки. Выразительные, немногочисленные предметы обихода на фоне фантазийных веревочных джунглей создают атмосферу отдельного мира маленького городка Макондо. Того самого, известного теперь всему миру места, где шла себе и шла простая человеческая жизнь. Где бегали среди деревьев маленькие дети. Где улыбалась загадочной улыбкой беременная женщина. А ее мужчина был горд и нежен. И еще толпа учеников была рядом. И тени предков. И маски карнавала. С ними было даже уютнее и совсем не одиноко.

Из чего складывается счастье? Думаю, из таких вот мгновений, где все целесообразно, органично и имеет право на исключительность. Спектакль «Сад» не линейный. Он фантазийный, ассоциативный и штучный. Его невозможно разрушить или присвоить, потому что он соткан из самой настоящей творческой материи Духа! А иначе просто невозможно создать эту ускользающую тонкую реальность, которая, как ни крути, дышит там, где захочет. ■

